



ИСТОРИИ
ПРО
ЧЕТЫРЕХ
ЗЛЫХ
КОЛДУНОВ

Валерий Стрижов

**ИСТОРИИ ПРО ЧЕТЫРЕХ
ЗЛЫХ КОЛДУНОВ**

«Автор»

2026

Стрижов В.

**ИСТОРИИ ПРО ЧЕТЫРЕХ ЗЛЫХ КОЛДУНОВ / В. Стрижов —
«Автор», 2026**

Страшные сказки на ночь написанные в четырех стилях повествования.
Читайте на здоровье.

© Стрижов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Валерий Стрижов

ИСТОРИИ ПРО ЧЕТЫРЕХ ЗЛЫХ КОЛДУНОВ

Глава

ЧЕРНОКНИЖНИК

(Страшная быль из времен гетманщины)

«И долго еще, усмехаясь, будет подмигивать луна с небес, обнажая кривой свой коготь, а старые люди, собравшись у вечерних огней, станут потихоньку, словно боясь разбудить самого дьявола, пересказывать друг другу эту быль — о том, как сжигают со свету божьего проклятых чернокнижников, ибо несть им покоя ни на том свете, ни на этом».

Глава I, в которой читатель знакомится с хутором, казаками и одним подозрительным паничем, а также узнает, почему чертям иногда бывает тесно даже в пекле

Было это, панове, в те смутные времена, когда небо над Украиной то и дело заволакивало пороховым дымом, а земля, напоенная кровью и слезами, стонала под тяжестью копыт и сабель. Времена те, сами знаете, лютые были: Правобережье полыхало, шляхта с казаками резались не на жизнь, а на смерть, и даже в самых глухих хуторах, куда, казалось, и бес-то не заглядывал, люди жили с оглядкой, крепко сжимая в ночи древки копий. На Запорожье сажали смолу в бочки, привязывали к седлам сушеные казацкие головы и посылали их вместо гостинцев панам в Варшаву — так лютовало рыцарство.

В одном из таких хуторов, затерянном среди бескрайних степей, где даже перекасти-поле блуждало, словно неприкаянная душа, жил-был себе пан Ильяш Безродный. А прозвали его так, отца с матерью не помнил никто — то ли зарезали их татары в набеге, то ли, чего доброго, моровая язва скосила, то ли сам дьявол спрятал концы в воду. Вырос Ильяш бобылем, но не захирел, а, напротив, вымахал в детину богатырского сложения — плечи — косая сажень, кулачищи — будто два гарбуза, а уж сила в них была такая, что он мог подкову завязать узлом, а лошадь поперек переломить, ежели та чего не по нраву ему делала. Жил Ильяш привольно: хозяйство было небогатое, да и не в хозяйстве счастье казацкое. Варил себе кулеш в чугушке, спал под открытым небом, а когда по ночам тоскливо становилось — выходил в степь и кричал так, что волки за три версты затыкали уши лапами и жалобно скулили, вторя хозяину. Характер имел суровый, правду резал в глаза, даже если та правда самому черту была в тягость.

И вот, панове, однажды летним вечером, когда солнце, будто вареник в сметане, медленно погружалось в степь, наполняя небо такими красками, какие и во сне не привидятся ни одному маляру из самого Питера, сидел Ильяш на завалинке, курил люльку и поглядывал на дорогу. Вдруг видит — пылит. Кто-то едет, да не один — трое всадников, а с ними, на веревке, ведут человека, руки ему назад скручены, голова бритва, в драном кожухе, а на ногах — постолы, из которых пальцы так и лезут наружу, словно хотят поскорее убежать от своего хозяина.

Не успел Ильяш и люльку отставить, как всадники спешились. Двое — казаки с виду бывалые, на лицах шрамы, как на старой дубовой коре. Третий — панич, одетый по-пански, при сабле, при пистолетах, а глаза у него такие хитрые и масляные, будто он только что горилку пил не из чарки, а прямо из графина и теперь рад, что может кого-то поучить уму-разуму. Сам пленник — человек невзрачный: ростом невысок, лицом смугл, бороденка козлиная, но глаза горят злым, недобрый огнем.

— Здоров будь, пане хозяин! — молвил панич, тряхнув чубом, который, впрочем, был недлинным — знак того, что он из тех, кто панскую спесь превыше всего ставит. — Непустишь ли заночевать? Видишь, пришлось нам тут одного лихого человека заарканить. Почитай, что колдуна, а по-вашему, чернокнижника!

Ильяш крикнул, выбил трубку и сплюнул через левое плечо — на всякий случай, чтобы не сглазить.

— Чернокнижник? — переспросил он, сощурившись. — А ты, панич, батько свое — кум королю, а дед — сам черт? Как докажешь, что он чернокнижник, а не просто бродяга, которого та же доля по степи гоняла?

Панич усмехнулся, достал из-за пазухи потрепанную книжицу в кожаном переплете с железными застежками и потряс ею в воздухе.

— А тем докажу, что у него при обыске нашли вот это! — сказал он. — «Ключи Соломона», книга черная, запретная! Он ею, собака, людей портил, скот морил, а три коровы у моего шурина — царствие им небесное — так и вовсе ходуном ходили и пеной изошли. Признавайся, вражина! — крикнул он пленному.

Колдун молчал, только глазами сверкал, словно два уголька в золе.

Казачи меж тем развели огонь, поставили варить кулеш, а пленника привязали к старой вербе, что росла неподалеку от хаты. Ночь опустилась на хутор, как черная папаха на голову запорожца, — глухая, звездная, с ветерком, который приносил запахи диких трав и, казалось, самые дьявольские нашептывания.

Сели они у костра. Панич достал флягу, хлопнул добрую чарку, крикнул и начал рассказывать.

— Отец мой, покойник, царство ему небесное, хотя он был и лютый католик, и против православных крепко стоял, — начал он, понизив голос, — еще при жизни своей говаривал, что Чернокнижник этот — не простой человек. Сказывают, будто он шестнадцать лет проучился в Краковской академии, где при самом университете, панове мои, публично читались лекции по черной магии! Слыханное ли дело? Христианские профессора обучали студентов, как вызывать бесов и заговаривать кручину. За это чернокнижников, несмотря на всю строгость религии, все равно было не перевести — одиндохнет, двое народится.

Ильяш слушал и трубку не выпускал из зубов.

— И будто, — продолжал панич, косясь на связанного пленника, — этот черный маг был лично знаком с самим гетманом Иеремией Вишневецким, когда тот вырезал повстанцев на Левобережье. Не знаю, правда ли, но молва идет, что Вишневецкий держал при себе колдуна, чтобы тот указывал ему места, где прячутся казацкие схроны. А колдун указывал. Вот за это его теперь казаки и ненавидят. Только, слышь, не на того напали: у него, панове, и Святые Дары не берут, и пуля его не берет, и веревка гниет. Мы его повязали, пока он в степи спал мертвецким сном после пьянки, да и то три узла завязали — каждый своим особым заклятием!

Тут колдун вдруг поднял голову и засмеялся. Смех у него был такой, что даже у бывалых казаков по спине мурашки побежали, как тараканы с печи, когда в хату свет внезапно вносят. Холодный, сухой, словно треск льда на Днепре в крещенские морозы.

— Иеремия? — прокрипел он. — Ха-ха! Да тот пес еще за версту от меня на карачках ползал, когда я кликал ту самую силу, что и самому Сатане не снилась. И ведьмы киевские, и черти херсонские — все передо мной на задних лапах ходили, панове! Только вы, глупые, думаете, что меня можно удержать тремя узлами? Я сам с нечистым в шашки играю и на заклад пекло ставил — и выигрывал, панове мои дорогие, выигрывал!

Ильяш нахмурился, подбросил в костер сучьев. Огонь взметнулся высоко, выхватив из темноты искаженное злобой лицо пленника. Казаки невольно схватились за сабли.

— А ну, цыц! — прикрикнул Ильяш. — Непутевый ты человек. Коли пришел на мою землю, изволь вести себя по-людски, а бесовские свои выкрутасы оставь для баб на выданье, да и то, гляди, не напугай их до икоты.

Но колдун лишь оскалился в темноте.

— Твоя земля, говоришь? — прошипел он. — А чья земля, казаче? Вся эта степь — от Днепра до самого Збруча — моя! И ты, и пан этот, и гетманы ваши — вы все одно что мухи в паутине. Только я знаю то, что остальным и не снилось. Я, панове, смертью торгую, как бабы на базаре бубликами!

С этими словами он дернулся, и веревки, которыми он был привязан, разошлись, словно их ножом резанули. Казаки вскочили, но колдун не стал ни нападать, ни убегать. Он просто встал, отряхнул колени, поправил драный кожух и проговорил спокойно, даже вкрадчиво:

— Не бойтесь, не трону. Нынче я добрый. Хочу вам, панове, сказ рассказать. Страшную бль, от которой у вас волосы на головах зашевелиятся, как змеи в купальскую ночь.

— Да ну его, пане Ильяш, — зашептал один из казаков. — Дело говорим, горилку пьем, а тут колдун со своими байками. Еще накличет беду.

Но Ильяш, который был мужчина крутого нрава, но любопытный — что твоя кошка, — махнул рукой.

— Пусть говорит, — сказал он. — Убьем — не жалко, отпустим — тем более. А послушать черного мага в степи под луной — это ж не всякому дано. Только чур, колдун, без обмана: за всякую твою хитрость получишь саблей по шее.

И колдун, ослабившись, начал свой рассказ...

Глава II, в которой рассказывается страшная история о панском сыне, сгоревшей ведьме и книге, которую страшно раскрывать даже днем

— Было это, панове, — начал колдун, потирая свои узловатые пальцы, — много лет тому назад. Отец мой, пан Януш Косинский, был шляхтич из тех, что и с жида шкуру сдерет, и собственной матери не подаст. Богатый был, как гетман, и злой, как та собака, что детей кусает. Резиденция у него была под Каменцом — такой замок, что и сам король, бывало, заглядывался: стены дубовые, сады вишневые, а в подземельях — золота и серебра было столько, что и крысы там отъелись до размеров хорошего кролика.

Я у него был один-одинешенек. Мать — красавица, говорят, редкая, да только сгнула куда-то, когда мне и трех лет от роду не было. Отец на ее исчезновение пьянствовал неделю, а потом и думать забыл — сразу новую жену привел из Варшавы, ту, которая павлиньи перья в волосах носила и на мужиков с такой брезгливостью глядела, будто они дохлых мышей ей подносили.

Меня, панове, с детства тянуло к тайному. Ну как вас? Всякому хочется заглянуть за ту грань, куда простому смертному нельзя. А когда отец запер меня в башне за то, что я стащил у него из сейфа золотую монету и отдал ее слепому старику, вот тогда... о, тогда я поклялся, что выучусь такой силе, что сам отец передо мной на колени встанет, и мачеха-гордячка будет мне сапоги языком чистить!

Ильяш нахмурился.

— А не рано ли ты, панич, клятвы давать начал? Всею свой час. Сперва Бог, потом казацкая сабля, а уж потом...

— Молчи, казак! — оборвал его колдун. — Не твоего ума дело. Слушай лучше, ибо то, что я скажу, ты и сам небось от дедов слышал, только дорисовывать не умел.

В башне той, куда меня отец заточил, оказалась щель в стене. Я, мальцом еще, все пальцы себе там ободрал, пытаясь эту щель расширить. И однажды, расколов кирпич, нашел я нишу, а в нише — книгу. Да не какую-нибудь, а ту самую, которую вы у меня отобрали — «Ключи Соломона». Только то была не книга, а самый настоящий ад в кожаном переплете! Я открыл первую страницу, а оттуда такой холод повеял, что даже в разгар июля у меня зубы застучали,

как у зайца перед лисой. И буквы там были не обычные, а какие-то пляшущие, живые: читаешь одну — а она на тебя словно смотрит, рукой манит, шепчет что-то сладкое-пресладкое, как мед с отравой.

Стал я учиться по той книге. Поначалу — мелкое колдовство: то у мачехи в тарелке черви заведутся вместо борща, то у отца в поясе все золотые нашивки в труху обратятся. Они крестились, но не знали, кто это делает. А я рос, панове, и с каждым годом познания мои становились все глубже. Научился вызывать духов: сначала мелких — бытовых, которые по ночам посудой гремят, а потом и покрупнее. Вы бы видели, панове, какой штуки я достиг через пять лет учения!

Вот, скажем, сожгли на том хуторе ведьму. За дело, за дело, она там тридцать лет людей портила и детей воровала. А я, тогда еще зеленый сопляк, пришел на пепелище ночью, когда все уже разошлись. Гляжу — а пепел шевелится, как живой. Я по книге нашел заклятие, которое позволяет вызвать душу казненной ведьмы. И вызвал! Она явилась мне в облике черной собаки с горящими глазами. Но я не струсил. Я спросил у нее: как приобрести такую силу, чтобы люди трепетали, чтобы гетманы заискивали, чтобы черти в услужении ходили?

А она мне, завывая по-волчьи: — Продай душу, панич, — говорит. — Только и всего. Подпиши своим кровью контракт, и будет тебе и слава, и власть, и все, чего душа пожелает.

Ильяш сплюнул.

— И подписал, небось?

Колдун ухмыльнулся, и стало видно, что у него в зубах не хватает двух передних — то ли выбили, то ли сам вырвал в припадке черной мечты.

— А что мне терять? — ответил он. — Отца я ненавидел, мачеху — тоже, братьев с сестрами не было, и Бога я уже тогда не боялся, потому что узнал из книг, что и Сам Господь не всесилен, коли падшие ангелы против него восстать посмели. Подписал, конечно. И с того дня стал я чернокнижником по всем правилам: семь лет у дьявола в учениках ходил, превращался в волка и летал на шабаш на Лысую гору. А там, панове, такие дела творятся, что мурашки и по сей день по коже бегают!

Глава III, где в разговор вступает нечистая сила, а Ильяш произносит слова, о которых позже пожалеет

Тут один из казаков, которого звали Оверко, а прозвище у него было «Задериха» за его привычку все время носом шмыгать, будто что вынюхивает, перебил колдуна:

— А ну, постой, панич. Ты нам тут сказки рассказываешь, что бабы на посиделках травят. А ну как ты действительно чернокнижник и сейчас нас всех хочешь зачаровать? Нешто мы не знаем, что вы, колдуны, сначала людину речами ублажаете, а потом душу его в свою книгу черную заточаете?

Колдун засмеялся тем же сухим, страшным смехом.

— Зачем мне твоя душа, дурень? — сказал он. — У тебя душа — как старый лапоть, ее и черт на халяву не возьмет. Хочешь, докажу, что я не вру? Погляди-ка на костер.

Все невольно повернулись к огню. Пламя, до того мирно постреливавшее, вдруг взметнулось вверх, переливаясь зеленым светом, и из него выступил силуэт — то ли человека, то ли зверя, то ли просто тени, сгустившейся до предела. Фигура поклонилась колдуну, дернулась, словно марионетка на нитках, и растаяла в воздухе, оставив после себя запах серы и гари.

Казаки разом вскочили, хватаясь за оружие. Панич побледнел, даже отодвинулся от костра. Только Ильяш остался сидеть, как сидел, неспешно набивая табаком заново свою люльку.

— Фокус, — равнодушно сказал он. — Я в ярмарке бачив таке: заезжий цыган скомандует — и огонь пляшет, и вода не льется, и птица на лету замирает. А ты, колдун, не пужай. Казаки у нас бывалые, их и сам черт с перепугу не возьмет.

Колдун прищурился.

— Думаешь, фокус? — процедил он. — А хочешь, я тебя самого научу такому «фокусу», что ты кровью умоешься? Ты, Ильяш, сильный казак, да в силе ли твоей супротив силы темной? Признайся — слабо тебе со мной потягаться?

Ильяш вынул люльку изо рта и пристально посмотрел на колдуна.

— Слабо? — переспросил он. — Да я, голубчик, самого черта в бараний рог скручу, коли он полезет. А ты — и вовсе червяк передо мной. И запомни: я крещеный, панич, в церковь хожу, кутеи ем, свечи ставлю. А ты, как погляжу, ни Бога, ни черта не боишься, потому что сам уже ни тот, ни другой.

Тут, панове, случилось нечто, отчего даже выдавшие виды казаки вытаращили глаза. Колдун вдруг встал — весь какой-то неестественно прямой, будто его за шиворот подняли невидимые крючья. И из-под его драного кожуха полезли, зашевелились какие-то зеленые огни: мелкие, шустрые, они кружились вокруг него, словно рой светлячков, только свет у них был не золотой, а болотный, гнилой, с примесью крови.

— А что, Ильяш, — заговорил колдун, и голос его понизился до такого тона, что всем показалось: говорит не он, а кто-то из-за его спины, кто-то намного старше и страшнее, — а что, если я скажу тебе, что твою отвагу еще никто не пробовал? Что я могу лишить тебя и силы, и удачи, и самой жизни, и ты станешь, как сухой бурьян, ветром гонимый по степи?

Ильяш встал. Не спеша, тяжело, но встал. И было в этом движении что-то от того первобытного ужаса, который чувствует человек перед бурей, перед наводнением, перед любой силой, которую не пересилишь.

— Попробуй, — коротко сказал он.

Глава IV, где колдун творит свое черное дело, а Ильяш, сам того не ведая, дает повод для самого страшного проклятия

И колдун попробовал.

Он простер руки, зашептал что-то на неведомом языке — таком, что сам воздух, казалось, начал сворачиваться в складки, как полотно, по которому прошли утюгом. Зеленые огни закружились быстрее, и вдруг откуда-то из глубины ночи, из-за верб, из-за степного горизонта, отозвался такой вой, что собаки на всем хуторе забились в конуры, даже петухи — и те на минуту примолкли, будто подавились своими кукареками.

Тень колдуна стала расти. Сперва она просто удлинилась, затем вздулась, затем начала клубиться, как черный дым из трубы крематория. И в этом дыму замелькали лица — страшные, искаженные, с огромными ртами, словно они пытались проглотить саму тьму. Духи, которых он когда-то призвал своей книгой, которых заставил служить себе, теперь выползали на волю.

Казаки, панове, не из трусливого десятка были. Но тут даже Задержиха, который не раз ходил в сабельные атаки, попятился и истово перекрестился. Панич и вовсе — тот бросил на землю свою флягу и принялся читать «Отче наш», да так быстро, что слова сливались в один невнятный гул. Только Ильяш стоял, как скала.

— Не возьмешь, — повторил он, и в голосе его слышалась уже не бравада, а глубокая, почти животная уверенность. — Земля наша, казацкая, православная, не даст тебе меня одолеть.

Колдун зарычал — да, панове, именно зарычал, как раненый вепрь. И вдруг все стихло. Вой прекратился, огни погасли, тени сжались в один маленький, размером с клубок шерсти, сгусток, который колдун поймал рукой и сжал в кулаке так, что побелели костяшки.

— Твоя взяла, казак, — сказал он, и в голосе его проскользнуло что-то вроде уважения. — Силой не возьму. Но есть у меня одно слово. Одно только слово, но такое, что ты его запомнишь на всю оставшуюся жизнь, а она у тебя будет долгая и горькая, словно полынь.

Ильяш насмешливо покачал головой.

— Пугай баб в корчме, колдун. А казацкое сердце не запугаешь.

— Я не пугаю, — тихо, почти ласково сказал колдун. — Я предрекаю. Отныне, Ильяш Безродный, ты выиграешь все битвы, кроме одной — последней. Ты будешь силен, как десятеро, но одиночество твое будет так велико, что ты начнешь разговаривать с ветром и камнями. Ты будешь жить долго, не по-человечески долго, и увидишь, как твои друзья состарятся и умрут, как твои враги сгниют в земле, а ты останешься — один, как перст, вечно молодой, но вечно мертвый внутри. Ибо я, чернокнижник, накладываю на тебя заклятие: не будет у тебя потомства, не будет у тебя покоя, и сама смерть обойдет тебя стороной, как лисица обходит капкан, ибо ты — не живой и не мертвый, не человек и не призрак. Ты будешь ждать, казак. Ждать того дня, когда кто-то, не ведая страха, разорвет эту цепь. Но кто это сделает — неведомо даже мне, ибо в книге моей об этом нет ни слова.

С этими словами колдун повернулся и, не глядя на перепуганных казаков, не обращая внимания на панича, который все еще трясся в своей панской одежде, шагнул в темноту — и будто растворился в ней. Только слышно было, как кто-то скрипнул зубами и засмеялся — в третий раз за эту ночь, но смех был уже не страшный, а какой-то отчаянный, даже жалкий.

Глава V, в которой рассказывается, как год прошел, а потом еще десять, и что из этого вышло

Казак, панове, долго не могли прийти в себя. Ночь прошла, а им все чудилось, что откуда-то из-под земли доносится тот страшный хохот. Панич уехал чуть свет — даже не попрощался, только пятки засверкали. Казаки тоже разъехались по своим делам: одни — на Сечь, другие — в поход против шляхты, третьи — по домам, к бабам да детям.

А Ильяш остался. И поначалу ничего не происходило. Он продолжал жить своим хозяйством, гонял вороватых татар, рубился с ляхами, даже жениться было собрался на одной дивчине из соседнего села — чернобровой, румяной, с косой до пояса. Но в день свадьбы случилась оказия: невеста взяла в руки венки, поцеловала его — и вдруг, на глазах у всего честного люда, венок тот рассыпался в прах, а у девушки выпали все волосы, словно их огнем выжгло.

Свадьба расстроилась, дивчина, понятно, слегла с горя, а старухи-ведуньи сказали: «Это неспроста, Ильяш. На тебе порча, и порча не простая — от самого чернокнижника».

Шли годы. Один, другой, десятый. Ильяш Безродный и вправду стал не по годам силен: в сорок лет он выглядел на тридцать, в пятьдесят — на сорок, а когда первые седины полезли — так это уже и в ус не дул, а они все никак не пробивались. Друзья его седели, лысели, горбатились, а он — будто консервированный, хоть в музей ставь. И каждый раз, когда он возвращался домой из очередного похода, его встречала пустая хата, холодная печь и тишина — такая густая, что, казалось, ее можно было пить ложкой, как кулеш.

Брал он себе разных женщин — и ласковых, и строгих, и богатых, и простых. Но ни одна не могла родить ему дитя. Беременность кончалась ничем: то выкидыш на втором месяце, то дитя родится, да в ту же ночь умирает, то и вовсе — ничего. Ильяш и к знахарям ходил, и к монахам, и в Киев ездил, к святым мощам прикладывался. Монахи, бывало, пошепчут, покропят святой водой, возложат руки — и ничего. Будто стена стоит, невидимая, глухая, истуканная.

Тогда понял Ильяш, что колдун свое дело сделал. Не силой взял, но хитростью. Обрек его, казака, на долгую, бесплодную, одинокую жизнь. И заскучал Ильяш так, что даже сабля в руках тяжелее стала, а люлька — и вовсе безвкусной.

Глава VI, где казак встречает на дороге не то человека, не то дьявола, не то свою совесть

Однажды, панове, под вечер, когда солнце уже клонилось к закату и степь залилась багрянцем, будто кровью, брел Ильяш вдоль речки, к хутору своему. Ноги у него были тяжелые, голова — как свинцом налитая, и мысли — чернее ночи. Вдруг видит — сидит на камне человек. Одет бедно, но чисто, ликом бледен, борода седая, а глаза — такие ясные, что Ильяшу сразу вспомнились глаза его покойной матери, которых он, почитай, и не помнил вовсе.

— Здоров будь, казаче, — молвил незнакомец тихим, пронизательным голосом. — Что пригорюнился? Али беда приключилась?

Ильяш сел рядом, на траву, вытащил люльку, закурил.

— Беда, — сказал он. — Беда, отец, что и рассказать страшно. Заклятие на мне. Не умираю я, понимаешь? Друзья мрут, враги мрут, бабы мрут, а я — все живу. И не могу ни сына зачать, ни дочку. И никто мне не поможет. Даже монахи с мощами — и те не помогли.

Незнакомец улыбнулся. Улыбка у него была грустная, но добрая.

— Эх, казак, — сказал он. — Велика скорбь твоя, да не безысходна. Знаешь ли ты, что сила колдовская держится не на книге, не на заклетах, а на страхе? Пока ты боишься — колдун побеждает. Перестанешь бояться — и заклиние само рассыплется, как сухой лист.

Ильяш горько усмехнулся.

— Легко сказать — не бояться. А как не бояться, когда тебе сам чернокнижник предрек одиночество до скончания веков? Я уже и забыл, что такое — радоваться. У меня в хате паутина, в огороде бурьян, в душе — тоска, что собака на привязи.

Незнакомец помолчал, потом встал, оправил свиту и сказал:

— А ты попробуй, казаче, сделать доброе дело. Не для себя — для другого. Может, тогда Господь и сменит гнев на милость. Ведь и колдун твой, поди, не просто так заклиние наложил: он своей ненавистью питался, а ты — страхом ответил. А добро, Ильяш, добро страха не знает.

С этими словами незнакомец шагнул в заросли камыша и исчез, как утренний туман. И только тогда Ильяш понял, что не слышал, как тот подошел и как ушел — словно его и не было вовсе. Но слова его засели в казацкой голове глубоко, как заноза под ноготь.

Глава VII, где доброе дело ведет к страшному открытию, а колдун получает по заслугам

На следующее утро, недолго думая, Ильяш оседлал коня и поехал искать то самое доброе дело, о котором ему толковал таинственный старец. Долго ли, коротко ли он плутал по степи, но на третий день наткнулся на дымок: в низине, возле старого дуба, стояла хатенка, а вокруг нее — ни души. Внутри Ильяш нашел девушку: молодую, прекрасную, но бледную, как смерть. Она лежала на лавке, укрытая овчиной, и дышала так слабо, что и свечой поднесенной не заметно было.

Возле нее сидел старый дед и горько плакал.

— Кто ты, старче, и что за горе у тебя? — спросил Ильяш.

— Ах, пане добрый, — запричитал старик. — Дочь моя, единственная отрада, умирает. Колдун проклятый, что из Кракова пришел, отнял у нее силы! Говорит, если не отдам ему в жены, заберет душу! Не вем, что делать, не вем...

Ильяш нахмурился. Краков? Колдун? Черная книга? Слишком много совпадений, и сердце казацкое шевельнулось глухой, но жаркой злобой.

— Тот самый колдун, что в Краковской академии обучался? — спросил он.

— Он самый, он самый! — закивал старик. — Четырнадцать лет — все его боялись, все кланялись. А теперь и до моей дочери добрался!

Ильяш махнул рукой, взял со стены старый крест, что висел в красном углу, и, не мешкая, пошел в степь — туда, где, по слухам, колдун построил себе логово: землянку, обложенную костями, с крышей из черного драного железа. Стукнул он в дверь сабельной рукоятью. Дверь отворилась сама.

Внутри, за столом, сидел колдун — тот самый, которого пятнадцать лет назад казаки привязали к вербе. Не постарел ни на день, только глаза стали еще мутнее, а на пальцах — длинные, желтые ногти, словно когти.

— А, Ильяш, — усмехнулся он. — Пришел наказать меня? Поздно. Ты — одинокий, ты — проклятый, ты — никто. Уходи, пока я добрый.

Ильяш молча поднял крест и пошел на колдуна. Тот оскалился, забормотал свои страшные заклинания, вызвал из-под земли огненных змеев и когтистых теней. Но Ильяш шел вперед, не чувствуя ни боли, ни страха. Он вдруг понял, что бояться нечего: хуже того, что уже случилось, все равно не случится. И от этой мысли в нем проснулась такая сила, что сама земля под его ногами застонала.

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа! — гаркнул Ильяш и ткнул крестом прямо в грудь колдуна.

Того будто током ударило. Он взвыл, заметался, попытался превратиться в волка, потом в нетопыря, потом в гадюку — но крест держал его, как гвоздем прибитого. Вдруг раздался треск, и из расколовшейся печи вылетела та самая черная книга — «Ключи Соломона». Она раскрылась в воздухе сама собой, и страницы ее, охваченные синим пламенем, начали рассыпаться в пепел.

А колдун, панове, стал таять. Сперва исчезли его ноги, потом туловище, потом осталась одна голова — и та рассыпалась, как гнилая тыква. Вместо него на полу осталась лишь куча черного пепла и пара медных монет, которые, вероятно, он приготовил для расплаты с самим сатаной.

Глава VIII, где проклятие падает, но не так, как ожидалось, и старый казак наконец обретает покой

Смерть колдуна, панове мои дорогие, была столь внезапной и столь полной, что даже сам воздух в землянке вздрогнул, словно от удара колокола. Ильяш постоял немного, перекрестился и вышел на свет божий. И тут он заметил, что у него из груди словно камень выпал. Дышалось легко, свободно, и впервые за много лет он ощутил голод — не телесный, а какой-то душевный, живой.

Вернулся он к той хатенке, где оставил старика с больной дочерью. И что же? Девушка уже сидела на лавке, румянец играл на щеках, глазки смеялись, а старик — тот вовсе пустился в пляс, приплясывая и прихлопывая в ладоши.

— Казаче, — закричал он, — ты нас спас! Пропало заклятие, отпустила дочку смертная тоска!

Ильяш стоял, глупо улыбаясь, и вдруг впервые за долгое время заплакал. Плакал он, панове, не от горя, а от облегчения, от радости, оттого, что можно, оказывается, еще чувствовать, любить, надеяться.

Он прожил потом еще долгую жизнь, женился на той самой девушке, родил троих сыновей и двух дочек, и никто больше не называл его Безродным, потому что род его разросся, как дуб на плодородной почве. А когда пришло время умирать — а он умер, как все люди, по-настоящему, а не от заклятия — собрал он внуков и правнуков вокруг своей постели и сказал им:

— Никогда не бойтесь чернокнижников. Бойтесь собственного страха. Пока человек боится — колдун силен. А как перестанет бояться — самому дьяволу станет тошно.

И, перекрестившись, вздохнул последний раз — легко, как младенец, засыпающий на руках у матери.

Эпилог, где автор прощается с читателем и намекает, что не все колдуны извелись, и что в темные ночи по-прежнему лучше сидеть дома, а не шататься по степи

Вот и сказке моей конец. А кто слушал — тот, говорят, в рай попал, но это уж как кому повезет. Я, панове, ни за кого не ручаюсь. С тех пор минуло много лет. Хутор, где жил Ильяш, давно зарос бурьяном, саблю его переплавили на сошники, а книгу черную — «Ключи Соломона» — унесли куда-то добрые люди, говорят, закопали в церковном подвале, под слоем земли аршина в три, да и сверху еще камень привалили — чтоб не вылезла, сохрани Господь.

А только, знаете, панове, странное дело: иногда, темной ночью, когда небо чернее дегтя, а месяц прячется за тучи, в степи можно увидеть огоньки. Блуждают они, переливаются, танцуют

под неслышимую музыку. Старые люди говорят — это души чернокнижников, которым не нашлось места ни в аду, ни в раю, так и бродят они по земле, маются, ищут себе учеников, чтобы передать им свое проклятое знание.

Если увидите такие огоньки — креститесь и идите прочь. А лучше — идите в корчму, выпейте чарку-другую доброй горилки, послушайте добрых песен, обнимите жену, приласкайте детей. Ибо, панове, как бы ни был силен чернокнижник, нет ничего сильнее простой человеческой любви, теплого хлеба и тихой молитвы на сон грядущий.

А я с вами прощаюсь. Не поминайте лихом. И если доведется нам встретиться на этой грешной земле — угостите меня люлькой табаку, да расскажу я вам еще одну быль. Страшнее этой. Но это — уже в другой раз.

Конец

Примечание рассказчика: Я, панове, эту историю услышал от одного старого бандуриста, который сам ее, в свою очередь, перенял от деда того самого Ильяша. Правда ли все это — не ведаю. Но знаю одно: в наших краях и по сей день не любят, когда кто-то слишком много знает, слишком много умеет и слишком громко смеется по ночам. Ибо нечистая сила, хоть и побеждена Господом, но, как тараканы за печкой, прячется в щелях и ждет своего часа. Дай-то Бог, чтобы мы с вами до этого часа не дожили. Аминь.

Этот ответ сгенерирован AI, только для справки.

Часть первая

РОДОВОЕ ПРОКЛЯТИЕ

Глава 1. От автора: О том, с чего начинается всякая беда

Колдунов боялись на Руси издавна. Страх этот — старый, дремучий, крепче дуба корнями в землю уходящий. Боялись не просто злобы — боялись порчи, боялись сглаза, боялись «хомута», когда навалится на человека неведомая хворь, и никакой лекарь не поможет, потому как не болезнь то, а наговор колдовской. Боялись, что выйдет на дорогу чёрный всадник — и поминай как звали. Боялись, что сорвёт колдун с петель ставни в полночь, влетит в избу огненным змеем к красавице-вдове и насыплет ей в подол нечистых денег — за душу, разумеется. Боялись, как самого лютого зверя, и в каждом селе знали своего колдуна: кто на краю живёт, кто с чертями знается, кто и вовсе человеческим духом не пахнет, а смердит от него серой и полыньёю.

Были колдуны разные. Иной — от скуки, от одиночества, от обиды на мир, что не оценил его великой мудрости. Были и такие, что продали душу не ради корысти, а из любопытства: «Дай, думают, погляжу, что там, по ту сторону?» А глянули — и назад дороги нет. Привыкла душа к чёрному, притерпелась. Один такой колдун и живёт в этой книге. Не придумал я его, не насочинял — слышал о нём от деда своего. А дед сказывал, что застал его ещё в преклонных летах, когда колдун уже давно не выходил из дому и только изредка маячила в ночном окне его горбатая тень.

Чернокнижник был известный. Звали его — Антип Захаров, по прозвищу Жук.

Кличка пристала к нему ещё в молодости, когда ходил он в истопниках на господской мельнице. Низкорослый, коренастый, весь какой-то чёрный — волос чернее сажи, глаза маслянистые, без единого светлого пятнышка, и взгляд тяжёлый, липкий, как дёготь. Мельник говорил: «У этого парня за душой ни Бога, ни чёрта — одна пустота». Ошибался мельник. Чёрт у Антипа как раз был, да ещё и не один.

Однако не сразу пришёл Антип к чёрному делу, не родился колдуном, а сделался. И сделался он через дьявольскую хитрость, через поругание чистоты и через смертный грех, от которого у святых отцов в житиях волосы дыбом встают.

Глава 2. О мельнике Игнате, первом учителе Антипа

Мельник Игнат жил на отшибе, в крепкой избе рубленой, не то что прочие мужики — в курных избёнках. Был он вдов, детей не имел, с людьми не водился, а если и выходил на люди, то только по нужде великой. Боялись его в округе как огня. Мало того, что мельники искони с водяными знают, — так Игнат и вовсе, поговаривали, напрямую с нечистой силой торговал.

Дед мой рассказывал, что однажды загорелась у Игната изба. Люди сбежались, а помочь никто не решается — страшно. А мельник стоит на пороге, покрикивает: «Не надобно мне вашей помощи!» И плюнул в сторону пламени. И погас огонь! Сам собой погас, как свеча, которую задули. После того случая окончательно уверились крестьяне, что Игнат — колдун, и стали обходить его двор десятой дорогой.

Игнат не обижался. Ему этого и надо было. Жил он припеваючи, при деньгах, при еде, в избе тепло, скотина жирная, девки деревенские к нему не бегали — ну и ладно. Говорили, что служат ему чертята-помощники, приносят чего ни пожелает. Только работа у них тяжёлая, и чтобы чертята не заленились, Игнат давал им задания невыполнимые: верёвки из песка вить, рассыпанную муку по ветру собирать. Замучит их до полусмерти, они и перестанут шалить.

Вот к этому-то Игнату и привёл Господь Антипа. А привёл — слово-то какое! — сам Антип пришёл, ноги его принесли. Было ему тогда лет восемнадцать. Родители померли от лихорадки, родня открестилась, шел он от села к селу, просился в работники, да никто не брал — видом не вышел. Мрачный был, нелюдимый, да к тому же ещё шепелявил немного, так что разговор с ним не в радость.

Игнат посмотрел на него, прищурился — глаз у него был острый, профессиональный, магический, что ли, — и согласился. «Оставайся, — говорит, — будешь мне за старшего помощника. Только жить будешь не в избе у меня, а в амбаре, чтобы не мешал мне колдовать». Амбар был тёмный, сырой, пахло в нём плесенью и сушёными травами. На полу валялись какие-то коренья, на полках стояли баночки со странным содержимым, похожим то на смолу, то на засохшую кровь.

Антип не испугался. Ему даже понравилось. Он был из тех людей, которых тьма не отпугивает, а притягивает. Он быстро привык к запаху плесени, к скрипу мельничных жерновов, к ночным визитам Игната, который приходил в амбар затемно, приносил с собой холодный воздух и запах могилы.

Глава 3. Где Антип подглядывает за колдовством

Первый год Игнат не учил Антипа ничему. Использовал его как чёрного работника: чистить конюшню, носить воду, подкидывать зерно в жернова. Антип терпел. Но по ночам, когда мельник уходил в свою избу и запирался там с какой-то особой, не русской книгой, Антип пробирался к щели в стене и подглядывал.

Увиденное поначалу его ужаснуло, но потом — странное дело — начало казаться ему забавным. Игнат чертил на полу круги и знаки, похожие на сплетённых змей. Он шептал что-то на языке, которого Антип не понимал, и от этих слов свечи в комнате начинали гореть зелёным пламенем. В углах комнаты, в щелях, в печной трубе копошились какие-то тени — маленькие, шустрые, с искривлёнными ножками. Чертята, понял Антип. Те самые, что служили Игнату.

Однажды — это был крещенский сочельник — Игнат вызвал кого-то посерьёзнее чертят. Антип глянул в щель и обмер: посреди комнаты стоял человек, только не человек, а так — облик человеческий, а суть звериная. И глаза у него горели жёлтым огнём. «Здравствуй, хозяин, — сказал гость голосом, похожим на скрип несмазанной телеги. — Давно я к тебе не захаживал. Что за нужда?» Игнат бухнулся на колени, залопотал что-то, засуетился, полез в

карман за какой-то свёртком. Антип смотреть дальше не стал, отполз от щели и долго сидел в углу амбара, трясясь мелкой дрожью. Но не от страха — от любопытства.

Он понял тогда главное: колдовство — это не выдумки бабок на лавочке, а самая что ни на есть реальная работа. И если работать умело, можно получить от этой жизни всё, чего душа ни пожелает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.